

Борис Вараксин

**ЕСЛИ Б СОЛНЦЕ
ВСТАВАЛО
НА ЗАПАДЕ...**

мистически-юмористическое

Борис Вараксин

**Если б солнце вставало
на западе... Мистически-
юмористическое**

«Издательские решения»

Вараксин Б.

Если б солнце вставало на западе... Мистически-юмористическое /
Б. Вараксин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907696-0

— Всё, что тут написано, — бред, и говорить тут не о чем!— Хм... Да вроде жизненная ситуация...— Автор всё передёргивает, издевается над здравым смыслом, отрицает законы физики!— Ну-у-у... Фантазия, конечно, ого-го! Но что-то в этом есть...— У автора нет ничего святого! Он никого не ставит в грош, ёрничает и ухмыляется!— М-м-м... Чёрт побери, почему бы и нам не последовать его примеру?Поехали? Дальше будет в том же духе...

ISBN 978-5-44-907696-0

© Вараксин Б.
© Издательские решения

Содержание

Исчезновение	6
Золотой косяк	9
Если бы да кабы...	11
Если б на Марсе яблони цвели	11
Если б Гольфстрим повернулся вспять	13
Если б бабушка была дедушкой и наоборот	14
Если б небо упало на Землю	15
Если б солнце вставало на западе, а садилось на востоке	16
Если в кране нет воды	17
Если б на яблоне выросли груши и наоборот	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Если б солнце вставало на западе... Мистически-юмористическое

Борис Юрьевич Вараксин

© Борис Юрьевич Вараксин, 2018

ISBN 978-5-4490-7696-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исчезновение

Чемодан был ужасно тяжёлый и оттягивал руку. Ныло плечо, в спине наметились подозрительные боли. А тут ещё эта ручка... Того и гляди отвалится... И что тогда?

Платон Кузьмич тащил свою поклажу и проклинал всё на свете. Зачем он взвалил на себя столь непосильный груз?

В чемодане были книги. Много книг. Они достались Платону Кузьмичу от дедушки, завязтого книголюба и библиофила. Книг было столько, что в квартире шагу ступить некуда. И в какой-то момент Платон Кузьмич понял: если он не избавится хотя бы от части печатной продукции, она его накроет. Просто свалится со шкафа – и поминай, как звали. Тогда-то он и достал с антресолей старый чемодан и набил его полным собранием сочинений Ленина. От него он решил избавиться в первую очередь. Но не выбрасывать (это было немыслимо), а отвезти на дачу. Там тоже было под завязку, но в сарае классику марксизма место бы нашлось.

Вход в метро «Курская» был нескончаемо длинным. Платон Кузьмич аж взмок, тащивши своё богатство, и всё чаще жалобно поглядывал по сторонам. Чем, видимо, и привлёк к себе внимание симпатичной дамы в форме, стоявшей возле большого ящика. Её цепкий взгляд остановился на тщедушной фигуре потомственного интеллигента, изнемогавшего под тяжестью сомнительного груза. Подозвала:

– Поставьте чемодан... Вот сюда...

Платон Кузьмич с облегчением взгромоздил своего мучителя на ленту транспортёра и тот скрылся за занавеской. Видимо, ничего подозрительного в нём не обнаружилось, потому что транспортёр заработал снова. Однако, с той стороны ничего не выехало. Дама взирала на пустую резиновую ленту и что-то соображала. Наконец, до неё дошло, что чемодан каким-то образом остался внутри. Заглянула... Пусто!

– Гражданин, вы что себе позволяете? Где ваш чемодан?

Платон Кузьмич растерянно переводил взгляд с дамы на ящик и обратно и ничего не мог понять. Чемодан исчез! Но сей факт не вызвал сожалений об утраченном. Наоборот! Почувствовалось облегчение. Неужели не придётся тащиться с ним сначала на метро, потом на электричке, а потом ещё полтора километра до дачи? Боже, какое счастье!

Однако, в глазах дамы не было оптимизма. Наоборот, в них поселилось беспокойство. И чем дольше продолжалась возникшая пауза, тем большее недоверие к подозрительному субъекту рождалось в полицейском мозгу...

– Предъявите ваши документы!

Платон Кузьмич суетливо достал паспорт с московской пропиской, протянул... Дама внимательнейшим образом исследовала соответствующий штамп... Просканировала взглядом нарушителя... Придаться было не к чему!

На лице блюстительницы порядка отразилась растерянность. Она ещё раз заглянула внутрь ящика. Чемодан исчез! Бесследно!

Наконец, дама спохватилась и, поднеся рацию ко рту, прокричала:

– Первый, я третий! У меня ЧП! Срочно!!!

Тут же, словно из ниоткуда, возник офицер. ЧП на пункте досмотра – это серьёзно! Раздался свисток и несколько сотрудников метрополитена скоренько перекрыли проход к опасному месту. Вследствие чего уже через какие-то пару минут жидкий поток пассажиров превратился во внушительную толпу, сдерживаемую сбежавшими отовсюду стражами порядка. По метрополитену объявили тревогу и поезда начали следовать мимо станции без остановки. Напряжение в воздухе нарастало. Наконец, по толпе пронеслось: «Бомба!» и все бросились врассыпную.

Мгновенно были подняты по тревоге все спасательные службы города, к месту происшествия направились сапёры, а антитеррористические подразделения ФСБ оперативно заняли позиции на крышах домов на Земляном Валу. Вот-вот должен был прибыть робот, который всегда вызывается в подобных случаях. А пока суть да дело, следователь по особо важным делам приступил к допросу изрядно струхнувшего Платона Кузьмича. И после выполнения нехитрых формальностей (кто, где, с какой целью и по чьему поручению) подозреваемому предложили сотрудничество со следствием, то есть признаться во всём и сразу. Следователь многозначительно поглядел на морально уничтоженного террориста и придвинул к нему чистый лист бумаги:

– Пишите, голубчик...

Платон Кузьмич дрожащей рукой описал всё, как было. Следователь прочёл и переменялся в лице:

– Вы что написали? Я, такой-то, вёз в чемодане полное собрание сочинений... В.И.Ленина... доставшееся мне по наследству от дедушки, Сидорова Ивана Петровича, 1907 года рождения, проживавшего... А где про взрывчатку?

– Какую взрывчатку? Откуда у меня взрывчатка? Зачем она мне?

– Так... В несознанку, значит, пошёл? Говори, где взял взрывчатку? Всё-равно же узнаем!

– Да не было никакой взрывчатки. Ну, если только не считать таковой труды вождя мирового пролетариата. Но ведь это только слова...

До следователя начало что-то доходить:

– Так вы что же, книги везли?

– Ну да... Ваша сотрудница подтвердит! Она же видела... В этом... как его... аппарате...

– И куда они делись?

– Не знаю... Ей-богу, не знаю! Вот те крест!

Платон Кузьмич истово перекрестился, причём сделал это впервые в жизни, ибо с октябрюского возраста был атеистом. Следователь задумался. Не похож этот пожилой москвич на террориста. Ну, какой из него мученик за веру? Он даже крестится не так, как надо. В смысле – наоборот. Сотрудников ФСБ специально просвещали по этому вопросу. Враг частенько ловится на мелочах...

Удовлетворённый своей наблюдательностью, следователь мягко побарабанил пальцами по столу:

– Ну, допустим... И о чём писал этот, как его – Ленин...

– Честно говоря, я читал его лет сорок назад... Конспектировал в институте... Теперь он и вовсе не нужен... Никому... На дачу решил отвезти... Чтобы не мешал...

– Ленин – это тот, что на Красной площади?

– Он самый...

– Не экстремист?

– Это как посмотреть. На мой взгляд – самый настоящий...

– Но за экстремистскую литературу...

– Но это официальное издание. Вроде не запрещено...

– И куда оно делось?

– Послушайте, товарищ... не знаю вашего звания... Ну, откуда мне знать? Мне сказали – я поставил. Оно поехало. И – всё... С концами!

– Будете писать заявление? О пропаже...

– Нет, не буду! Мне же лучше! Я ж не знал, как от него избавиться! Только благодарен...

Следователь задумчиво поглядел в окно. «Ситуация неординарная. Но шут его знает: может, и не врёт. Эти эмвэдэшники порой такое отмочат... А нам разбираться! И, в принципе, даже если в чемодане и взрывчатка – она же исчезла! Всплывёт где-нибудь? А мне-то что? Пусть там, где обнаружится, и колупаются...»

Успокоенный сделанными выводами, следовательно окончательно подобрел. Но что делать с этим доходягой? Отпустить? Снял трубку телефона:

– Семёнов, ну что, нашли что-нибудь?

– Нет, товарищ полковник, ничего не нашли! Ни чемодана, ни взрывчатки...

– А хорошо искали?

– Да лучше некуда! Всё разобрали! По винтику!

– Так, может, и не было ничего?

– Скорей всего. Не могло же оно взять – и исчезнуть...

– Ладно. Отбой тревоги. Скажешь этим, метрополитеновским – учения прошли успешно...

– Есть, товарищ полковник! Уходим на базу...

Полковник подержал исписанный Платоном Кузьмичом лист и медленно порвал его... Выбросил в урну...

– Вот что, уважаемый... э-э-э... Платон Кузьмич. Вы свободны. Но если что – вы у нас на примете. Так что...

– Да я... Да мне... Спасибо, товарищ полковник. Всегда рад помочь!

Полковник снисходительно улыбнулся и подписал пропуск. Платон Кузьмич как на крыльях вылетел из комнаты:

«Так вот, значит, как они работают! Органы!»

В последнем слове было столько уважения и даже восхищения, что и не сообразишь, чего больше. Одно ясно: с ними – как за каменной стеной!

Успокоенный и просветлённый, Платон Кузьмич направился к дому. Больше ничто не отягощало его руки. Надо же, как всё удачно сложилось! Он уже подходил к подъезду, когда в голове молнией сверкнуло: «Чёрт побери, а ведь дома ещё столько ненужной литературы! И можно...»

Поражённый открывшимися перспективами, потомок книголюба и библиофила вошёл в подъезд, давно уже требовавший ремонта. Наследие ленинизма ещё давало о себе знать...

Золотой косяк

Северные широты... Холодные, коварные просторы, бороздимые судёнышками с героическими экипажами... Места не для слабаков. Здесь нужны люди особенные, с характером. Рыбаки!

Сейнер «Непобедимый» уже вторую неделю боролся с волнами. А рыбы всё нет! Но вот и удача: большой косяк. Закипела работа. Сноровисто действуют моряки. И вот уже в трюм хлынули представители морской фауны. Есть улов! Только...

Боцман Степаныч ввалился в капитанскую рубку и осипшим от волнения голосом прохрипел:

– Михалыч!

Михалычем звали капитана сейнера, который сразу понял: что-то случилось...

– Чего тебе?

– Там... это... – и показывает рукой на трюм. Капитан посуровел:

– Говори внятно! Что случилось?

– Там... рыбы...

Лицо Михалыча подобрело:

– Рыбы? Хорошо, что не птицы...

– Золотые!

– Кто?

– Да рыбы же!

– В смысле...

– Ну, вроде – селёдка, а на самом деле – золотые рыбки... Как в аквариуме... Только крупные...

– И много их?

– Да весь косяк!

Капитан недоверчиво смерил боцмана взглядом:

– Ты, Степаныч, часом, белены не объелся? Откуда здесь золотые рыбки? В высоких-то широтах! Вода около нуля! И вообще: мы селёдку ловим, а не золотых рыбок. Се-лёд-ку! У нас план по засолу! Что я скажу заказчику?

На Степаныча было больно смотреть. Словно именно он и был повинен в том, что вместо добротной атлантической сельди в трюме шевелится чёрт знает что. Но даже не это было главным. Главным было то, чего он попросту не мог выговорить. Язык отказывался...

Капитан, между тем, видел: моряка что-то гложет:

– Ну, чего ещё? Договаривай!

– Они... это... требуют...

– Кто требует?

– Да рыбы эти...

Фуражка поползла по голове капитана:

– Ты чего несёшь? Рыбы не разговаривают!

– Михалыч, вот те крест: тебя требуют!

– Меня???

Капитан ошалело уставился на несчастного боцмана. Тот в отчаянии кивнул головой:

– Тебя!

В рубке установилась мёртвая тишина, прерываемая лишь завыванием ветра и криками чаек. Наконец, капитан взял себя в руки:

– А чего хотят-то?

– Чтoб их отпустили... Обратно... В море...

– Весь косяк?

– Ну...

– А что взамен?

– Да что угодно: квартира, дача, внедорожник... Одна корыто посулила... Новое...

– Корыто-то зачем? Уж предлагала бы стиральную машину... Indesit... Нет, лучше Samsung... Или Bosch...

– Да не вопрос! Им это раз плюнуть! Но они галдят все разом. Не разберёшь. Михалыч, может, спустишься к ним? Ты же капитан...

Михалыч задумался... После некоторой паузы лицо его просветлело:

– Сделаем так. Ты их для начала уговони. А чтобы не пускать дело на самотёк – пусть выберут из себя представителя, наделят полномочиями. С ним и потолкуем. А пока ты ходишь туда-сюда, я покумекаю, что нам нужно в первую очередь. Ты, вроде, о ремонте заикался?

Услышав про ремонт, Степаныч аж затрясся от радости. Ну, право, как можно выходить в море на такой лохани? Всё же менять надо! Начиная с корпуса и кончая якорем! Двигатель – вообще ни к чёрту! Перебираешь его, перебираешь... Мотористам стыдно в глаза смотреть! А подъёмные механизмы, а лебёдки, а электрика...

– Ты, Степаныч, губу-то не раскатывай! Что сможем, то сделаем. Неизвестно ещё, на что эти рыбы способны. Может, только болтать горазды. Языком-то и мы... Начни-ка со штурвала, а там посмотрим.

Минут через десять, когда орава в трюме начала засыпать, решился вопрос с её представителем. Им оказалась маленькая, но шустрая Золотая Рыбка, с которой и предстояло вести переговоры. И когда Степаныч внёс предложение о замене штурвала на более продвинутую версию (из ценных пород дерева, с перламутровыми вставками), Золотая Рыбка согласно кивнула головой. Но тут же напонила об условии сделки: весь косяк должен немедленно отправиться за борг. Что и было исполнено.

Степаныч высунулся из трюма и взгляделся в окошко рубки, за которым маячила капитанская физиономия. Похоже, со штурвалом было всё о'кей. Отогнутый большой палец командира это подтвердил. Значит...

– Слышь, рыба, нам бы мотор поновей...

– А какой нужен? Как у ракетного крейсера?

– Не-е... Как у яхты... У этого... У Абрамовича...

Рыбка задумчиво смерила боцмана взглядом:

– И всё? И даже владычицей морской себя сделать не потребуешь? Ну, чтобы я у тебя на посылках...

Степаныч рассмеялся:

– Ну, ты, рыба, даёшь! Это только на Евровидении что ни артист, то или баба с бородой, или мужик с сиськами. Мне-то зачем? У меня семья, дети...

У Золотой Рыбки отлегло от сердца. На радостях, что не придётся обижать хорошего человека, она вильнула хвостом и это стало для Степаныча полной неожиданностью. В результате рыбка выскользнула из рук и скрылась за бортом. Но моряк нисколько не пожалел об упущенной добыче: сейнер уже набирал такой ход, какого у него не было никогда – даже во времена далёкой туманной юности...

Если бы да кабы...

Если б на Марсе яблони цвели

Яков Михайлович встал пораньше, позавтракал и вышел на крыльцо. Погода радовала: ласковое солнышко, безветрие. Атмосферное давление и влажность воздуха в норме, так что намеченной на сегодня отправке в дальний путь ничто не угрожало.

Конечно, в плане технического оснащения хотелось чего-то большего. Всё-таки, «сто тридцатке» уже 6 лет. Печально, но всё чаще приходится наведываться в сервис. Вот и на этот раз... Пришлось многое заменить: подшипник в турбонаддуве, фильтр тонкой очистки, две форсунки, усилитель тормозов и один из поворотников. Вдобавок ко всему, Палыч, занимавшийся ремонтом, настоял на перепайке. Говорит, тот припой, на котором всё держится – полное дерьмо. Разве что обои клеить! А шесть лет эксплуатации – чистая случайность. И пальцем тычет. А палец у него – о-го-го! Таким пальцем что хошь расковырять можно... Пришлось согласиться. Так что бандажное кольцо второй ступени сперва отпаяли, а потом припаяли заново. Насмерть! Теперь душа за него не болит. А могла бы...

Яков Михайлович облачился в рабочий халат и прошёл в гараж. Любимица тускло серебрилась в глубине. Невольно залюбовался: хороша! Прошёл к пуско-зарядному устройству. Смешно сказать, но аккумуляторы – ни к чёрту! А ведь обещали 10 лет безотказной работы! Козлы... Но, вроде, зарядились неплохо. Главное – стартануть, а дальше генератор вытянет. Хорошо хоть, в прошлый раз не поспешил и заменил его. Теперь душа не болит. А могла бы...

Похлопал по обшивке: «Ну, ласточка, не подведи!» Осталось открыть ворота и вырулить на стартовую площадку. Но не тут-то было. Один из шпингалетов застрял намертво. Дверь перекосило и... Пришлось взять кувалду:

«Вернись – переварю. Сколько можно? Каждый раз одно и то же! Надоело!»

Ворота со скрипом отворились.

Залил две канистры «двести восемьдесят первого», качнул сервера, гироскопы и запустил двигатель. Тот мягко заурчал, доставив водителю немалое наслаждение. Малый газ! «Сто тридцатка» струнулась с места и, поблёскивая покатыми боками, выкатилась на солнце.

Осталось кинуть последний взгляд и можно отправляться.

«Эх-хе-хе... Правый пилон... Следы течи... Омывающая жидкость? Тормозуха? Гидрокомпрессорный конденсат? Час от часу не легче!»

Попробовал на язык... Ничего конкретного... И чек на приборной панели не горит.

«Ладно, не до Альфа-Центавры колдобиться. Дотяну как-нибудь...»

Влез в кабину, устроился поудобнее. Включил систему ориентации и автомат пилотирования. Полёт на Марс начался.

«Сто тридцатка» преодолела плотные слои атмосферы и легла на курс. Теперь можно расслабиться и посмотреть ящик. Диктор как раз сообщал последние известия: «... и многие наши соотечественники предпочли лежанию на диване перед телевизором полёт к красной планете. На ней в этом году выдался рекордный урожай яблок. Не таких, как в грёбаном Техасе, а во-о-от таких...»

Диктор развёл руки в стороны так, что ладони оказались за пределами экрана. Из чего следовало: лучше поторопиться. Желающих запасть на зиму такой диковинкой – пруд пруди. Яков Михайлович прикинул, сколько влезет в багажник и едва ли не впервые пожалел, что так и не обменял «сто тридцатку» на «сто сороковку». Вроде, и условия подходящие: трей-

дин, августовские скидки... В ту-то не меньше КАМАЗа последней модификации влезет. Куда столько? Ну, пусть лучше будет чуточку больше, чем не хватит самую малость. Не гонять же по-новой!

Если б Гольфстрим повернулся вспять

Мистер Бенихилл открыл дверь и глотнул морозного воздуха. Вдалеке звонил колокол, сзывающий на вечернюю мессу. Толстый слой снега лежал на ветвях деревьев, придавая пригороду Лондона сказочный вид. Добросовестные дворники проделали узкие тропинки в сугробах и мистер Бенихилл успокоился: успеет. Добротный полушубок, отличные валенки, теплые рукавицы... Что ещё нужно британскому джентльмену, чтобы ощутить дыхание жизни, почувствовать бодрость в застоявшихся членах, понять, что он, потомственный англосакс, способен противостоять натиску стихии и связанным с ним метелям, снегопадам и двадцатиградусным морозам?

Из паба в конце безлюдной улицы вывалилась группа английских джентльменов и потянулась на колокольный звон. «Надо поторопиться» – подумал мистер Бенихилл и ускорил шаг. От быстрой ходьбы ногам в валенках стало жарко, но он уже пришёл. За святыми для каждого жителя Британских островов стенами всюду волновалось человеческое море. «Боже, храни королеву!» – с облегчением подумал мистер Бенихилл и извлёк из внутреннего кармана полушубка абонемент. Лондонское дерби Арсенал-Челси начиналось через 5 минут.

Если б бабушка была дедушкой и наоборот

Озорной лучик скользнул по Митиному лицу, заставив проснуться, сладко потянуться и выглянуть в окно. Там уже всю светило солнце, щебетали птички, кудахтали куры, а кот Васька охотился за бабочками. Митя подумал-подумал – и повернулся на левый бок. Всё-таки, какое же это удовольствие – подольше поспать!

– Митя-я-я, пора вставать! Завтракать!

Голос дедушки, с раннего утра возившегося на кухне с плошками и поварёшками, был мягок и добр. Мальцу подумалось о крынке парного молока, с рассветом доставленного дедушкой от молочницы Глаши, о куске душистого хлеба с ломтиками масла, нарезанными той же заботливой рукой. И, конечно же, о банке вишневого варенья... Не зря оберегал дедушка заветное лакомство от бабушки, поглядывавшей на рубиновое содержимое с явным намерением познакомиться с ним поближе. Приходилось не только убирать варенье подальше, в шкафчик, но и запираеть на ключ. Зато теперь, когда любимый внучек садился пить чай, его ждало восхитительное угощение. А ещё его ждало тёплое, прямо из-под курицы яйцо, сваренное «в мешочек» – так, как это умел делать только дедушка...

Мягкие руки погладили Митю по голове и он, откинув одеяло, свесил с кровати ноги... Надел сандалии... Но прежде, чем садиться за стол, надо было сбегать на двор, умыться и почистить зубы. А на дворе – бабушка, вся в хозяйских делах и заботах: забор подправить, сарай починить. Вот и приходится где-то что-то подпилить, где-то что-то подстрогать...

Митя уже допивал чай, когда со двора донёлся зычный, насквозь прокуренный голос бабушки: «Ах, ты, едрить твою...» Конечно же, этот возглас был адресован псу Полкану, заимевшему дурную привычку воровать бабушкин инструмент и закапывать его под забором у соседа. В прошлый раз он таким макаром разделался с рулеткой, следствием чего стала очевидная кособокость крылечка, возводимого прилежной бабушкиной рукой. И теперь дедушка поглядывал на бабушкину работу с очевидным скепсисом и пофыркивал в усы. Это был явно не тот результат, на который он рассчитывал. С такого крылечка и упасть недолго, запнувшись о порожек высотой на 1,5 см выше обычного. Бабушка же, с нетерпением ждавшая дедушкиной похвалы и так её и не дождавшаяся, обиженно усаживалась на завалинке и закуривала любимый «Беломор». Подваливал сосед, Семёныч, и они молча, сосредоточенно дымили.

Дедушка не мог долго на это смотреть и начинал выговаривать внуку про безусловный вред табака, про пагубное влияние папирос на подрастающее поколение и про то, что не надо брать пример с бабушки, явно злоупотребляющей никотиновым зельем. Митя слушал и усмехался: дедушка был настоящим отстоем и даже не догадывался, что в старшей группе детского сада некурящих давно уже нет.

Если б небо упало на Землю

...то все мы стали бы небожителями.

Если б солнце вставало на западе, а садилось на востоке

С наступлением погожих весенних деньков Владимир Сергеевич перебирался на дачу. Та была в часе езды от Москвы и было так здорово с восходом солнца завести двигатель, переехать через не слишком забитый в этот ранний час железнодорожный переезд (на что в обычное время уходило часа 1,5) и, добавив газку, мчаться через поля и луга навстречу утреннему солнцу.

Дача была на востоке Подмосковья, что делало явку на работу без опозданий весьма проблематичной. Необходимо было иметь в запасе часа 3, а лучше и все 4. Для надёжности.

Единственное неудобство – восходящее светило. Его безразличие к проблемам безопасности движения сильно напрягало. Владимир Сергеевич негодовал: «Это ж надо! От этого запада одни неприятности! Ну, что мешает Солнцу всходить на востоке? Насколько комфортнее было бы ехать! А так... Того и гляди, ткнёшься сослепу в зад какого-нибудь „Геленд-вагена“ – и всё! Прощай дача! Этому придурку же не объяснишь, что виноват не водитель, а ослепляющий эффект утреннего светила...»

Владимир Сергеевич уже хотел было сбросить скорость, но вдали показался хвост обычной в это время суток пробки на ближних подступах к Москве и он успокоился. Вероятность нанесения непоправимого ущерба какому-нибудь навороченному внедорожнику резко упала. Теперь, в случае чего, можно будет обойтись и парой месячных зарплат. Что более или менее приемлемо. Но солнце... Вечером... на обратном пути... всё повторится! Лучше б оно вставало на юге, а садилось на севере. Или наоборот...

Если в кране нет воды

Свой дачный участок Виктор Матвейч получил в далёком 1979 году. С тех пор много воды утекло. В прямом смысле, ибо вдоль забора протекал ручей, буквально в двухстах метрах выпадающий в реку, входившую в систему Московского гидроузла. Была она неширока и неглубока, но весьма живописна. Так что с участком Виктору Матвейчу повезло.

Зимой посёлок пустел, потому что кроме электричества и скважины, из которой наполнялся объёмистый бак и из которого, в свою очередь, вода по трубе распределялась по участкам, больше ничего и не было. Труба тянулась над землёй, но дачникам это не мешало. Для полива же на каждом участке была бочка с дождевой водой.

Однако, жизнь не стоит на месте и соседи начали свои участки продавать. И пришёл тот день, когда со всей остротой встал вопрос о целесообразности снабжения водой единственного из оставшихся членов некогда дружного дачного коллектива. У каждого из новых хозяев была своя артезианская скважина и водопроводная труба в полуметре над землёй превратилась в бельмо на глазу. Да и вообще: на фоне симпатичных трёхэтажных домиков жилище Виктора Матвейча выглядело совершенно неуместным.

Тучи над «последним из могикан» сгустились, так что он не очень-то и удивился, когда в один прекрасный день воды в кране не стало. Поговаривали, что это сборщики металлолома оттяпали существенную часть магистрали и увезли в неизвестном направлении. Перед Виктором Матвейчем встал вопрос: тянуть новую ветку, бурить скважину или попросту продать ставший сильно проблемным участок по сходной цене одному барыге, уже вторую неделю названивавшему с деловым предложением. И, взвесив все «за» и «против», Виктор Матвейч выбрал последнее.

Когда всё закончилось, бывший дачник захотел в последний раз взглянуть на свой участок. И не увидел его. Потому что забор, возводимый новым хозяином, превысил к тому времени все разумные нормы.

Если б на яблоне выросли груши и наоборот

Садовод-любитель Ерофей Павлов любил работать с фруктовыми деревьями: удобрять, поливать, прививать, опылять и скрещивать. Хотел получить что-то необыкновенное и, кажется, этого добился. Но всё по порядку.

Процесс выведения новых сортов небыстр. А так как по натуре своей был Ерофей человеком энергичным, то очень скоро фруктовых деревьев ему стало мало и он заинтересовался ещё и работой с кустарниками: смородиной и крыжовником. Новое увлечение оказалось столь велико, что о яблоне и груше он на какое-то время забыл и те, предоставленные самим себе, развивались, как могли. Яблоне это пошло на пользу: яблоки вырастали крупными, сочными и сладкими. А вот груше не повезло: её плоды были мелкими, жёсткими и чуть кисловатыми. По осени Ерофей обивал их палкой, собирал в две большие сумки и относил Фролу Кузьмичу, проживавшему на другом конце посёлка и держащему поросят. Хрюшки охотно поедали приносимое, ибо и такие груши были для них сущим лакомством.

Однако, с некоторых пор Ерофей стал замечать странные вещи: яблоки на яблоне всё больше напоминали груши, а груши на груше стали походить на яблоки. Сначала он не придал этому значения. До сбора урожая оставалось ещё месяца полтора и всё ещё могло перемениться.

Однако, яблоки и не думали превращаться в груши, а груши – в яблоки. Что им мешало сделать это, было непонятно. Но самое неприятное было то, что яблоки перевоплотились в груши не просто так, а в полном соответствии с их характеристиками, то есть стали мелкими, твёрдыми и кисловатыми. Зато груши, выросшие на яблоне, радовали глаз непривычной для них спелостью, сладостью и величиной. Околачивать груши с яблони рука уже не поднималась, а вот яблоки, облюбовавшие грушу и выродившиеся во что-то непонятное, околотить было в самый раз. Правда, возникал вопрос: а станут ли есть яблоки, выросшие на груше, поросята Фрола Кузьмича? Могла ли их разборчивость им этого не позволить? Да и другие вопросы возникали. Например, получалось, что, вроде как, Ерофею стало жалко груш и он заменил их яблоками. Собственно, так оно и было, но отдавать спелые, сочные, сладкие плоды не хотелось. И Ерофей решил никуда ничего не относить, а сказать, что в этом году катастрофический неурожай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.